

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI в. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

В. Ф. Семенов

За последние годы история Англии XVI в. стала предметом особого внимания английских буржуазных историков. Ученые самых различных политических направлений — консерваторы, либералы, лейбористы — посвятили этой эпохе ряд крупных общих и специальных трудов. Работы Мэки¹, Рауза², Вильямсона³, Гаррисона⁴, Биндофа⁵, Нила⁶ и Эльтона⁷ наглядно свидетельствуют об интересе к «тюдоровской Англии»⁸. XVI век привлекает к себе внимание английской буржуазной науки как период экономических, политических и культурных успехов Англии, как начало ее морского и колониального могущества, время победы над таким мощным врагом, как Испания Филиппа II. Самая династия Тюдоров, правившая в XVI в., приобретает в оценке названных историков черты династии королей-самодержцев, обладавших всей полнотой власти и уверенной рукой якобы ведших страну к «славе» и «процветанию». «Золотой век Тюдоров» — так характеризует историю правления этой династии один современный либеральный историк⁹.

Классовый и политический смысл такого увлечения «тюдоровским периодом» вполне понятен. Он вытекает из современного положения Англии, международное значение которой в результате первой и особенно второй мировых войн значительно уменьшилось. Британская империя распадается на наших глазах. Все более возрастает зависимость английских правящих кругов от США. Желание подчеркнуть мощь и успехи Англии в прошлом, показать ее былое успешное капиталистическое развитие и раннее превращение в колониальную державу обнаруживает классовые идеологические цели современной буржуазной историографии.

В настоящей статье нам хотелось бы остановиться на трех политических проблемах истории Англии XVI в., которые особенно оживленно

¹ J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558. Серия «Oxford History of England». Oxford. 1952.

² A. L. Rowse. The England of Elizabeth. The Structure of Society. London. 1950 (reprint. 1951); его же. The Elizabethan Age. The Expansion of Elizabethan England. London. 1955.

³ J. A. Williamson. The Tudor Age. Серия «A History of England in Nine Volumes». London. 1953. 2-е изд. 1956.

⁴ David Harrison. Tudor England. Vol. I—II. London. 1953.

⁵ S. T. Bindoff. Tudor England. London. 1950 (reprint. 1951).

⁶ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. London. 1953; его же. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. London. 1957.

⁷ G. R. Elton. The Tudor Revolution in Government. Cambridge. 1953; его же. England under the Tudors. London. 1955 (reprint. 1956).

⁸ Разбор некоторых из этих работ см. В. Ф. Семенов. Абсолютизм Тюдоров в новейшей английской историографии. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. CIV. 1957.

⁹ S. T. Bindoff. Tudor England, p. 1. Впрочем, выражение «золотой век» применялось и ранее, например, Треvelyном в его «Social History of England» (1942 и сл.), но Треvelyн считал «золотым веком» время Елизаветы и Шекспира, то есть вторую половину XVI и начало XVII столетия.

дебатируются и подвергаются наиболее искаженной трактовке в современной английской буржуазной исторической литературе. Эти проблемы касаются, во-первых, английской экспансии XVI в., во-вторых, английского абсолютизма Тюдоров, в-третьих, развития английского парламента той эпохи, его первых конфликтов с королевской властью. Первый вопрос наиболее отчетливо освещен во втором томе исследования Рауза «Эпоха Елизаветы» с подзаголовком «Экспансия елизаветинской Англии» (1955); второй — в монографиях Эльтона «Тюдоровская революция в управлении» (1953) и «Англия под властью Тюдоров» (1956), третий — в книгах Нила «Елизавета I и ее парламенты, 1559—1581 гг.» (1953) и «Елизавета I и ее парламенты, 1584—1601 гг.» (1957). Эти работы в основном мы и постараемся критически рассмотреть, привлекая по мере надобности и другие труды на данную тему, вышедшие в свет несколько раньше.

Вопрос о возникновении Британской империи является неизменным предметом исследований в английской исторической литературе. За последние десятилетия по этому вопросу выступал либеральный историк Вильямсон, автор монографий «Великобритания и империя»¹⁰, упомянутой выше книги «Век Тюдоров»¹¹, «Эволюция Англии»¹² и др. В последнее время о колониальной политике много писал историк-лейборист Эльтон, в частности в своей работе «Англия под властью Тюдоров»¹³.

Вильямсон и Эльтон, а до них и либеральный историк Тревельян изображали процесс колонизации в приукрашенном виде. Они старались доказать, что Англия приобретала колонии, как правило, «мирным путем» и будто бы всегда стремилась установить дружественные отношения с местным населением; факты открытого грабежа, насилия, завоевания обычно стыдливо замалчивались или смягчались либеральными историками. Рауз занимает позицию откровенной апологии колониализма. В эпоху крушения колониальной системы он вновь пытается поднять на щит колониализм и защитить его не только путем тенденциозного подбора исторических фактов о начальном процессе колонизации, но и путем построения своеобразной «теории», рассматривающей господство силы в качестве основного и неизменного якобы принципа международных отношений.

Уже в первом томе труда «Англия Елизаветы. Структура общества» Рауз изложил открыто свою националистическую концепцию, всячески преувеличивая экономические и политические успехи страны в XVI в. и затушевывая обострение классовых противоречий, столь характерное для той эпохи¹⁴. В своей характеристике тюдоровского общества главное внимание он сосредоточил на джентри — среднем и мелком предпринимательском дворянстве, — считая его самым энергичным и самым прогрессивным классом общества; по сравнению с джентри даже городская буржуазия у Рауза оттеснена на второй план; народные массы в расчет почти не принимаются, в частности крестьянство как бы заслоняется целиком его зажиточной верхушкой — богатыми йоменами, которые интересуют Рауза опять-таки прежде всего своей связью с джентри как резерв для пополнения круга предприимчивых джентльменов¹⁵.

¹⁰ J. A. Williamson. Great Britain and the Empire. London. 1945 (reprint. 1946).

¹¹ J. A. Williamson. The Tudor Age, 1953.

¹² J. A. Williamson. The Evolution of England. London. 1931; его же. A Short History of the Expansion. London. 1941.

¹³ G. R. Elton. England under the Tudors.

¹⁴ A. L. Rowse. The England of Elizabeth. The Structure of Society. См. особенно рассуждения автора по поводу «плодотворности» правительственного законодательства о пауперизме, стр. 335.

¹⁵ Там же, гл. VI. Социальные классы, стр. 223 и сл.

Правление Елизаветы Рауз считает идеальным. Правительство было властным, авторитетным и одновременно популярным; оно обладало полным политическим суверенитетом как в области внешней, так и внутренней политики и в то же время как бы считалось со свободой подданных¹⁶. Но главное значение XVI в., по мнению Рауза, заключалось в экспансии Англии: «Конечным достижением елизаветинской Англии, ее наиболее прочным памятником была английская экспансия за моря... В этой экспансии обнаружилось величайшее упорство, высокое мужество и предприимчивость англичан; это было подлинное единение страны, подлинно национальное дело...»¹⁷.

Эта откровенная апология колониализма вскрывает истинные цели буржуазной историографии: восхваляя «героическое» прошлое британских колонизаторов, запятнавших себя кровью десятков и сотен тысяч покоренных людей, славить современный колониализм. В таких же целях делается несостоятельная попытка представить преступления кучки колонизаторов как общенациональное дело. Ниже будет показано, что утверждения о «подлинном единении страны» в процессе колонизации не имеют ничего общего с исторической действительностью.

Во втором томе, «Эпоха Елизаветы. Экспансия елизаветинской Англии», автор специально занялся теоретическим обоснованием колониальной политики. Апология колониализма выступает в его рассуждениях совершенно открыто. Колониальная система, захват колоний рассматриваются Раузом как некое естественное, стихийное, «динамическое» движение, охватывающее в определенный момент всю нацию. «Движение (в колонии.— В. С.),— пишет он по поводу начавшейся экспансии Англии,— имело безличный характер, оно было непреодолимо, его можно сравнить по силе только с Ниагарским водопадом»¹⁸. По мнению Рауза, в этом движении «за моря» участвовали якобы все классы елизаветинской Англии, но ведущую роль играли представители джентри. Хоукинс, Дрейк, Кавендиш, Рэли и другие главари пиратов и колонизаторов были все «джентльмены»¹⁹.

По поводу последнего заявления Рауза необходимо сделать разъяснение. Участие джентри в заморских экспедициях действительно имело место. Раннее капиталистическое перерождение английского дворянства, естественно, делало последнее союзником буржуазии в организации экспедиций и грабеже вновь открытых земель. Но можно ли сказать, что поисками морских путей и колоний в XVI в. была занята «вся Англия»? Поистине это остается на совести самого Рауза. Подавляющая масса английского населения в XVI в., состоявшая из крестьян и городских ремесленников, всецело жила интересами своей страны. Борьба за землю, в частности, пронизывала сельскую жизнь. Только позднее, в XVII и XVIII вв., английское крестьянство и ремесленники начали переселяться в колонии, в том числе в Северную Америку, но и тогда цели народных низов резко отличались от колонизаторских целей буржуа и дворян. Известно, какой беспощадной эксплуатации подвергались английские переселенцы со стороны судовладельцев, купцов, плантаторов-землевладельцев в колониях. Что же касается XVI в., то тогда народные массы вообще еще не эмигрировали в заморские страны. Туда направлялись лишь в качестве разведчиков представители буржуазии и джентри. Матросы участвовали в экспедициях как рабочая сила, но они были, естественно, лишь орудием, наемными рабочими «капитанов» и стоявших за ними «компаний»; относить их к категории «колонизаторов», конечно, никак нельзя.

Характерны, далее, сетования Рауза по поводу того, что Англия несколько запоздала в осуществлении своей колониальной политики. Но-

¹⁶ Там же, стр. 261—262.

¹⁷ Там же, стр. 28—29 («Пролог»).

¹⁸ A. L. Rowse. The Elizabethan Age. The Expansion of England, p. 3.

¹⁹ Там же, стр. 159.

вый свет (Америка) к середине XVI в. был уже захвачен испанцами и португальцами. Франция не только получила соседнюю Бретань (которую Рауз считает «по праву» принадлежащей Англии, поскольку она является «Кельтской Британией»), но с 30-х годов начала проникать в Северную Америку. Англичане же начали свою экспансию лишь в последние три десятилетия XVI в., но зато проводили ее с величайшей энергией и упорством, добившись в короткое время «головокружительных успехов»²⁰. С полным удовлетворением Рауз описывает похождения елизаветинских «королевских пиратов», их богатую добычу, «победы» над туземцами, даже работорговлю... В отношении последней особенно показательно рассуждение автора о судьбе негров. По мнению Рауза, хотя неграм приходилось и нелегко в их положении рабов, зато «они имели большую обеспеченность жизни, чем у себя дома, в условиях кровавых межплеменных войн и практиковавшегося в Африке людоедства...»²¹. В Вест-Индии же так остра была нужда в рабочей силе, что привоз рабов был якобы благодеянием для страны²². Рауз умалчивает, что тысячи негров погибли в дороге при переезде через Атлантический океан на судах работорговцев; ни слова не говорит он и о зверствах плантаторов-рабовладельцев. А между тем это общеизвестные факты.

В связи с англо-испанским военным конфликтом Рауз формулирует теорию «неизбежности войн». Войны, как и колониальная система, по его мнению, естественны и необходимы²³. Несколько ниже Рауз прямо оправдывает и самую агрессию: «Энергия (общества. — В. С.) требует выхода, конфликта, агрессии, обороны, войны...»²⁴, — замечает он, впадая в стиль социологов биофизической школы.

В действительности войны представляют собою продолжение внутренней политики господствующих классов той или иной эпохи. Марксизм требует конкретного исторического изучения каждой войны в отдельности²⁵. Характерно, что Рауз в общем хорошо разбирается в причинах военного столкновения Англии и Испании XVI в. — споре из-за колоний и морских путей — и только наводит тень на конкретные факты этой войны, говоря о таинственном «избытке английской энергии». В конце концов все эти рассуждения Рауза и других подобных ему теоретиков активной колониальной политики напоминают пресловутые фашистские «теории» роббы за «жизненное пространство».

Не забудем, что поход испанской армады 1588 г. вызвал глубокий ужас в Англии. Смертельная опасность чужеземного завоевания вызвала патриотический подъем в народе. Английские моряки, в том числе и матросская масса, фактически своим мужеством спасли родину от угрожавшей ей серьезной опасности.

Рауз совершенно забывает об этой роли народных масс, и в характеристике англо-испанской войны конца XVI в. он лишь модернизирует исторические события, проводит параллель с наполеоновскими войнами и второй мировой войной. Вильям и Роберт Сесили напоминают ему своими действиями и речами Питта и Черчилля²⁶.

Осуждая Филиппа II за намерение поработить Англию (поход великой армады), Рауз в то же время целиком оправдывает разбойничьи набеги английских судов на испанское и португальское побережья, подчеркивая «гуманное» якобы поведение английских адмиралов в «противоположность фанатичным и жестоким актам» испанцев²⁷.

²⁰ Там же, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 174.

²² Там же, стр. 174—175.

²³ Там же, стр. 238.

²⁴ Там же, стр. 238—239.

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 271.

²⁶ A. L. Rowse. The Elizabethan Age. The Expansion of England, p. 240.

²⁷ Там же, стр. 308.

Рауз дает развернутую апологию колониальных войн и захватов. Он крайне высокомерно, по-расистски относится к жителям захватываемых территорий. Коренное население колонизируемых стран Рауза, по существу, не интересует. Автор сочувственно цитирует елизаветинских памфлетистов, утверждавших, что Северная Америка самим провидением была предназначена для завоевания англичанами²⁸. Грубо-пренебрежительно относится Рауз и к ирландцам. «Эта варварская страна»²⁹, по его словам, вследствие «полного разложения, расстройств и упадка», отсутствия политического единства не была способна будто бы образовать какое-либо государство... Беспорядок, анархия в Ирландии, по мнению Рауза, давали англичанам полное право на ее порабощение. Героическое сопротивление ирландцев английским завоевателям Рауз считает «бесполезным бравированием»³⁰. Он забывает при этом, что в свое время Англия в период раннего феодализма в течение столетий переживала процесс внутренних усобиц, смут, длительной политической раздробленности. Рауз предпочитает не вспоминать и того, как англичане на протяжении веков рядом запретительных мер систематически душили ирландскую торговлю и промышленность. Английские порабощители уже при Елизавете и Якове I лишили ирландцев их лучших земель³¹.

Такова концепция одного из современных реакционных английских историков, работы которого были встречены хвалебными рецензиями в буржуазной прессе³².

В наше время колониальная система рушится. «Происходящий распад колониальной системы империализма является всемирно-историческим событием послевоенного периода»³³. Казалось бы, теперь, в свете современных политических фактов, английские буржуазные историки должны были бы понять относительный, исторически временный характер колониализма. С другой стороны, им следовало бы заинтересоваться причинами поражения колонизаторов. Колониализм душит порабощенные народы, не дает им развиваться, грабит и эксплуатирует их. Он возбуждает против себя ненависть всех угнетенных, что в конечном счете рано или поздно приводит их к решительной борьбе против захватчиков и освобождению бывших колоний. Апологеты империализма не хотят учитывать этих уроков истории и продолжают прославлять колониализм.

Советские исследователи уделили известное внимание проблеме возникновения Британской империи. Можно назвать ряд статей А. С. Самойло по истории захвата англичанами колоний в XVII веке³⁴. Довольно интенсивно наши ученые принялись изучать историю Ирландии XVI—XVII вв. (работы Ю. М. Сапрыкина³⁵ и Т. С. Осиповой³⁶). В. В. Штокмар в специальном курсе посвятила ряд страниц колониальной политике Англии при Елизавете³⁷. Но в общем советская литература на эту тему еще недостаточно велика. Создание крупных исследовательских тру-

²⁸ Там же, стр. 230—232.

²⁹ Там же, стр. 155.

³⁰ Там же, стр. 90—91.

³¹ Там же, стр. 91. Уже в 1608 г. «шесть графств (Ирландии.— В. С.) из 32 были экспропрированы и ограблены». «Архив Маркса и Энгельса». Т. X, стр. 139.

³² См. «The English Historical Review», «Revue historique» и другие журналы.

³³ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат. 1956, стр. 24.

³⁴ А. С. Самойло. Колониальный вопрос в дипломатии Кромвеля. «Известия» Академии наук СССР, серия истории и философии. Т. II, № 4, 1945; его же. Английские колонии накануне революции. «Вопросы истории», 1945, № 1—2; его же, главы на эту тему в книге «Английская буржуазная революция XVII в.». Тт. I—II. М. 1954.

³⁵ Ю. М. Сапрыкин. Английская колонизация Ольстера при Якове I. Сборник «Средние века». Т. VIII. 1956; его же. Поземельные отношения у ирландцев в XVI—XVII вв. «Из истории средневековой Европы». М. 1957.

³⁶ Т. С. Осипова. Английская агрессия в Ирландии и освободительная борьба ирландского народа. Сборник «Средние века». Т. VI. 1955.

³⁷ В. В. Штокмар. Очерки по истории Англии XVI в. Л. 1957.

дов, которые давали бы правдивую картину возникновения Британской колониальной империи, разоблачали современных буржуазных фальсификаторов кровавой истории колониализма, является одной из первоочередных задач советской исторической науки.

Проблема характера власти династии Тюдоров привлекает внимание многих английских историков. Реформация и секуляризация монастырей, подавление народных восстаний и одновременно расправа с феодальной католической оппозицией, напряженная и успешная борьба с Испанией — все это приводится как доказательство силы Тюдоров, их авторитета в противоположность последующим Стюартам. Ряд современных историков делает попытку связать политику Тюдоров с интересами новых растущих классов: предпринимательского дворянства (джентри) и городской буржуазии. Придерживаясь, по существу, традиционного идеалистического взгляда на государство как на якобы надклассовую силу общества, новейшие английские буржуазные историки, тем не менее, констатируют и даже подчеркивают эту связь династии с новыми общественными силами. И Рауз и Эльтон, в частности, признают связь династии Тюдоров с джентри и буржуазией Лондона. Но в противоположность марксистским взглядам на государство как на орудие определенных общественных классов они полагают, что государство лишь пользуется «услугами» этих классов, лавирует между ними, сохраняя полностью свое значение независимой политической силы, руководящей развитием общества в целом.

Иногда в работах современных буржуазных авторов, специализировавшихся на тюдоровском периоде, усиленно повторяется мотив исследователей XIX века о «народолюбии» Тюдоров, о будто бы патриархальном, «отеческом» характере их правления. В общей работе о тюдоровском периоде лейбористского историка Эльтона имеется даже специальный раздел — часть главы под наименованием «Paternalism», — в которой под этим углом зрения рассматривается социальная политика Тюдоров³⁸.

Д. Мэки также пытается найти «народные» черты в политике Генриха VIII³⁹, а Рауз представляет Елизавету защитницей бедняков, приводя в подтверждение одну из записей ее беседы с Вильямом Сесилем, в которой королева предлагала своему министру придерживаться принципа более пропорционального распределения налогов⁴⁰. Все названные историки рисуют в виде «подлинно народных» (то есть проведенных якобы в интересах народных масс) такие мероприятия Тюдоров, как борьба с огораживанием и законодательство по вопросам пауперизма. По поводу законов о пауперах Рауз без всяких оговорок пишет: «Это было замечательное достижение елизаветинской администрации»⁴¹.

В этих утверждениях верно лишь то, что династия Тюдоров была склонна к демагогическим приемам. И Генрих VIII и Елизавета старались представлять себя «друзьями народа», «покровителями бедняков». В статутах и прокламациях Тюдоров при желании можно разыскать немало таких громких заявлений. Но в действительности это были лишь ни к чему не обязывающие фразы. Тюдоры правили в интересах класса дворян, учитывая также в известной степени и интересы растущей буржуазии.

Политика секуляризации церковных имуществ, передача бывших монастырских земель дворянству на самых льготных условиях наиболее ярко

³⁸ G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 185—192.

³⁹ J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558, pp. 442—443.

⁴⁰ A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 335.

⁴¹ Там же, стр. 355.

выявляют скрытые пружины тюдоровского государства. Аграрная политика династии — знаменитые статуты против огораживаний — имела в виду ограничить последние, но отнюдь не прекратить их⁴². С другой стороны, надо учитывать, что проведение статутов в жизнь встречало такое сопротивление на местах со стороны землевладельцев-дворян, что законодательство в значительной части оставалось на бумаге. Законы XVI — начала XVII в. о нищих были столь жестокими, что, как подчеркивал К. Маркс, оставляли впечатление своеобразной системы наказаний в отношении народных масс (за то, что их экспроприировали), а вовсе не реальной помощи⁴³.

Историки, пишущие так трогательно о тюдоровском патернализме⁴⁴, совсем забывают о многочисленных фактах прямой расправы Тюдоров с народными массами. Борьба Генриха VII с выступлением крестьян Йоркшира и Корнуэлла еще в 90-х годах XV в., разгром Генрихом VIII Благодатного паломничества на Севере в 1536—1537 гг., расправы правительства Эдуарда VI с народом при подавлении восстаний в Норфолке и Девоншире в 1549 г., свирепый террор Елизаветы в северных графствах в 1569—1570 гг.⁴⁵, удушение в самом зародыше заговора крестьян в Оксфордшире в 1596 г. — все эти факты с очевидностью свидетельствуют об эксплуататорском, классовом облике Тюдоров и разрушают до основания легенду о их «народолюбии», «отеческом», заботливом управлении, «благоденствовании пауперов» и т. д.

Однако вопрос о социальном базисе этой династии английскими буржуазными историками ставится, если так можно выразиться, лишь попутно. Главной в «проблеме Тюдоров» является у буржуазных авторов другая тема: существовал ли в Англии XVI в. абсолютизм, ограничены или не ограничены были Тюдоры в своем правлении.

Как ни странно, современные английские исследователи избегают самого термина «абсолютизм» в применении к Англии Тюдоров, хотя употребляют его в отношении других стран Европы того времени. Обычно они используют, подчеркивая своеобразие власти, термин «новая монархия»⁴⁶. Иногда правление Тюдоров определяется просто как «сильная власть»⁴⁷, «авторитетная власть»⁴⁸, «полная власть» (*impetium regum*)⁴⁹. Характерно, что даже историк-марксист А. Л. Мортон в книге «История Англии» обычно называет власть Тюдоров «новой монархией» и только в одном месте употребляет выражение «абсолютизм»⁵⁰. Иногда английские ученые говорят о деспотизме, самовластии и жестокостях Тюдоров, в частности Генриха VIII.

Деспотизм Тюдоров резко подчеркивал в ранней литературе Мерримэн, автор биографии Томаса Кромвеля и издатель его писем⁵¹, в

⁴² В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. 1949, гл. III.

⁴³ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, гл. 24. См. также В. Ф. Семенов. Пауперизм в Англии XVI в. и законодательство Тюдоров. Сборник «Средние века». Т. VI. 1951.

⁴⁴ Патернализм — буквально «отеческая политика».

⁴⁵ См. В. Ф. Семенов. Восстание на Севере (из истории крестьянских восстаний в Англии второй половины XVI в.) «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к 75-летию В. П. Волгина. М. 1955.

⁴⁶ J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558. Первая глава этого сочинения так и озаглавлена: «The New Monarchy»; ср. A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 262; J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 71; D. Harrison. Tudor England. Vol. I, ch. II.

⁴⁷ J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 9.

⁴⁸ A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 262.

⁴⁹ J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 404 — ch. XII «Imperium merum».

⁵⁰ A. L. Morton. A People History of England. London. 1951, p. 228; русский перевод. 1950, стр. 190.

⁵¹ R. B. Merriman. Life and Letters of Thomas Cromwell, Vol. I—II. Oxford. 1902.

новой литературе — Вильямс⁵² и Д. Гаррисон⁵³. Но такая терминология встречает дружный отпор большинства других историков.

«Тюдоры обладали сильной властью, но ее нельзя назвать деспотизмом, так как деспотизм предполагает рабское повиновение. Тюдоры же правили на основании законов»⁵⁴, — пишет либерал Вильямсон. «Тюдоры обладали полным верховенством, суверенностью власти, и хотя их правление в некотором смысле было абсолютным, оно все же осуществлялось при помощи парламента»⁵⁵, — вторит ему консерватор Мэки. Особенно категорически выступил против употребления термина «абсолютизм» в отношении Тюдоров Рауз. По его мнению, абсолютизм — явление чисто континентальное, к Англии не приложимое. Сохранение политических свобод и своеобразный политический баланс — равновесие правительства и новых, «энергичных» классов, представленных в палате общин, — вполне объясняют, с его точки зрения, такое политическое своеобразие Англии. «Елизавета прекрасно понимала это, но ее преемник Яков I не мог постигнуть данное явление своим узким французско-шотландским умом»⁵⁶, — замечает автор, считающий самую английскую революцию середины XVII в. «случайным» событием, вызванным... глупостью Стюартов — Якова I и Карла I⁵⁷.

Словом, наличие при Тюдорах парламента и стремление представителей этой династии, в том числе и наиболее деспотического из них — Генриха VIII, облекать террористические действия в легальные судебные формы дают английским историкам повод отмежевываться от континентального абсолютизма и «доказывать» национальную особенность английского строя как конституционного во все периоды, строго якобы законного, неабсолютистского и недеспотического. По существу, эта концепция — ее с полным основанием можно назвать юридической конституционной теорией — существовала и раньше — у историков-либералов XIX в., но в настоящее время она выступает еще более заостренно, особо подчеркивает исключительность и своеобразие политической эволюции островной Англии в противоположность континентальной Европе.

Наиболее характерной для современной английской буржуазной историографии по вопросу о Тюдорах является монография лейбористского историка Эльтона «Тюдоровская революция в управлении»⁵⁸, написанная на основании обширных документальных, в большей части архивных материалов государственных учреждений времен Генриха VII и Генриха VIII.

Общая точка зрения автора на развитие тогдашнего государственного аппарата сводится к следующему. В течение первой половины XV в., при Ланкастерах, королевская власть в Англии ослабла. Она сделала даже шаг назад по сравнению с временем Плантагенетов. Вместо начавшегося при Ричарде II отделения государственных учреждений от дворцового ведомства при Ланкастерах произошло снова смешение их с перенесением центра тяжести управления от общегосударственных органов к королевскому двору (King's household). С другой стороны, Тайный совет превратился при Ланкастерах в типичное собрание знати, не повышавшее, а уменьшавшее авторитет короля⁵⁹. При Йорках и Генрихе VII мощь короны возросла, многочисленные конфискации земельных владений противников Эдуарда IV и Генриха VII во много раз уве-

⁵² С. Н. Williams. The Making of Tudor Despotism. London. 1935.

⁵³ David Harrison. Tudor England. Vol. I. London. 1953, p. 65 и сл. Гл. III — о Генрихе VIII — озаглавлена: «The Climax of Tudor Despotism».

⁵⁴ J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 9.

⁵⁵ J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 363.

⁵⁶ A. L. Rowse. The England of Elizabeth, pp. 261—262.

⁵⁷ Там же, стр. 382.

⁵⁸ G. R. Elton. The Tudor Revolution in Government. Cambridge. 1953.

⁵⁹ Там же, стр. 19—20.

личили их материальные ресурсы⁶⁰. Однако и эти короли продолжали, по существу, управлять государством в первую очередь при помощи дворцового аппарата. Королевский дворец по-прежнему оставался центром управления, только он приобрел больший авторитет и силу⁶¹.

Таким же, по существу еще чисто средневековым принципом руководствовало первое время и правительство Генриха VIII, включая период канцлерства кардинала Вулси. Но последний все же кое-что сделал для перенесения центра тяжести управления от дворца к центральным государственным учреждениям (канцлерство и казначейство). Вулси ввел отчетность в дворцовых доходах и расходах, произвел описи королевских земель, в результате чего был установлен известный министерский контроль над королевским хаусхольдом⁶². Он расширил права новых государственных судов: Канцлерского, суда Звездной палаты, Палаты прошений. В руках Вулси находились одновременно и нити внешней политики; он же фактически в качестве кардинала и папского легата стал во главе английской церкви. Сосредоточение в руках этого деятеля большого количества должностей, светских и духовных, связанных с внутренней и внешней политикой, централизовало в известной степени управление. Но все же двойственность его не была преодолена. Вулси только отчасти проник в «тайны» дворцового ведомства; королевский хаусхольд оставался еще как бы «государством в государстве»; особый личный секретарь короля вел дипломатическую переписку, в результате чего Вулси часто не сразу даже оказывался в курсе некоторых важных дипломатических событий⁶³. Кроме того, его положение министра всецело зависело от короля. Стоило перестать быть фаворитом, потерять доверие Генриха VIII, и его политическая карьера была бы закончена⁶⁴.

Полный переворот в тюдоровском центральном управлении, по мнению Эльтона, произошел лишь при «бюрократическом министре» Томасе Кромвеле⁶⁵. Кромвель сыграл, как утверждает Эльтон, исключительную роль в политическом развитии Англии. Автор подробно описывает, как постепенно поднимался вверх по служебной лестнице этот человек, получая в свои руки одну должность за другой и не забывая при этом о личном обогащении⁶⁶. Он стал начальником управления королевских драгоценностей, казначеем-секретарем Канцлерского суда, канцлером казначейства, главным королевским секретарем и лордом-хранителем Малой печати⁶⁷.

Таким образом, в отличие от Вулси, функции которого ограничивались главным образом обязанностями канцлера, Кромвель сосредоточил в своих руках прежде всего контроль над государственным казначейством, то есть над финансами, и затем получил звание королевского секретаря, что, помимо близости к царствующей персоне, обеспечивало ему полноту власти в дипломатических делах. В качестве генерального викария короля по церковным делам он простер свою власть на английскую церковь и распоряжался новыми учреждениями, созданными в результате секуляризации церковных имуществ и имевшими также финансовый характер: Палатой прибылей, Палатой сборов первых плодов и десятины и др., — хотя формально эти учреждения входили еще в дворцовое ведомство⁶⁸. Фактически при всевластном министре казначейство превращалось в центральный финансовый орган государства, которому подчинялись и перед которым отчитывались финансовые органы дворца, хотя

⁶⁰ Там же, стр. 26.

⁶¹ Там же, стр. 37.

⁶² Там же, стр. 56—57.

⁶³ Там же, стр. 65—66.

⁶⁴ Там же, стр. 76.

⁶⁵ Там же, стр. 81—89.

⁶⁶ Там же, стр. 99—128.

⁶⁷ Там же, стр. 128—129.

⁶⁸ Там же, стр. 203—204.

полностью это подчинение произошло позднее: при преемниках Генриха VIII и окончательно при Елизавете⁶⁹.

Большие перемены испытала при Кромвеле должность королевского секретаря, приобретающая функции государственного значения. Главный королевский секретарь вводился в состав палаты лордов как один из высших чиновников государства наряду с канцлером, лордом казначейства, великим чемберленом (министром двора) и другими высшими официальными лицами⁷⁰. По мнению Эльтона, Кромвеля с полным основанием можно считать «первым премьером» в истории Англии⁷¹. Он фактически руководил и Тайным советом, окончательно при нем оформившимся как регулярно действующий, высший директивный орган, фактическое правительство государства⁷².

Такова концепция Эльтона. Она выглядит довольно стройной и подкрепляется большим документальным материалом⁷³. Бюрократизация центрального управления при Тюдорах автором показана убедительно. Однако нетрудно видеть и ряд существенных недостатков во взглядах лейбористского историка.

Главный из них состоит в том, что автор характеризует развитие тюдоровской централизации в полном отрыве от классовых, социальных сил. Государственный аппарат в изображении Эльтона — это какой-то особый, изолированный мир чиновников, развивающийся по своим собственным законам и тенденциям. Больше того, вся реформа управления приписывается целиком Кромвелю, который «гениально» якобы творил новые бюрократические формы, причем даже сравнительно мало показаны его ближайшие помощники.

Нельзя согласиться и с терминологией Эльтона — «тюдоровская революция в управлении». По существу, никакой революции в настоящем смысле этого слова при Генрихе VIII и Т. Кромвеле не было. Социальный базис тюдоровской монархии 30—40-х годов XVI в. не менялся. Старые центральные учреждения не только сохранили свои обычные названия, но и обычный круг подведомственных им дел. Они лишь получили некоторый общий высший по отношению к ним контроль, включились в единую правительственную систему.

Эльтон усматривает глубокую противоположность между правлением Вулси и правлением Кромвеля. Первый — еще целиком человек средневековья, второй — министр нового времени. Такое противопоставление преувеличенно, искусственно. Кромвель сам был учеником школы Вулси и, по существу, продолжал его традицию усиления королевского аппарата на основе ранее образовавшихся центральных учреждений средневековой Англии. Нельзя признать, что Томас Кромвель сумел завершить свою реформу. Громоздкость центрального аппарата, обилие параллельных ведомств, неустойчивость самого «первого министра», продолжавшего целиком зависеть от королевского фавора, — все это оставалось и при Кромвеле. И в дальнейшем, еще в течение десятков лет, Сесиям (Вильяму и его сыну Роберту) приходилось доделывать ту «тюдоровскую революцию в управлении», которую Эльтон целиком приписывает своему любимому герою.

Однако деятельность Кромвеля в качестве королевского министра свидетельствует и о том, что по сравнению со своим предшественником

⁶⁹ Там же, стр. 241, 251.

⁷⁰ Там же, стр. 302.

⁷¹ Там же, стр. 299, 311—312.

⁷² Там же, стр. 345—346.

⁷³ Следует иметь в виду, что Эльтон продолжал здесь разработку темы, начатой еще Пикторном и Ньютоном. (Kenneth Pickthorn. *Early Tudor Government*. Cambridge. 1934; A. P. Newton. *Tudor Reforms in the Royal Household*. «Tudor Studies». London. 1924).

он действовал более решительно, более уверенно и более целеустремленно. Две идеи особенно отчетливо выступают у Кромвеля: это полнота, неограниченность королевской власти, с одной стороны, и идея светского государства, не только не зависящего от церкви, но и полностью контролирующего ее,— с другой. Влияние реформации на политические взгляды Кромвеля, на его административные реформы совершенно очевидно⁷⁴.

Таким образом, Эльтону удалось конкретно показать процесс формирования тюдоровской бюрократии. Но что она собой представляла? Было ли это явление исключительное, присущее одной только Англии, как это старается изобразить Эльтон? Конечно, нет! Централизованный бюрократический аппарат Тудоров типичен для европейских позднефеодальных государств и похож, в частности, своими существенными чертами на французский аппарат XVI века. Эльтон же нигде не проводит хотя бы частичного сравнения английских и французских центральных учреждений периода складывавшегося абсолютизма.

Следует отметить, что в советской литературе и учебниках иногда даже чрезмерно (и, во всяком случае, безоговорочно) противопоставляются друг другу французский абсолютизм как абсолютизм «бюрократического типа» и английский абсолютизм, «небюрократический» или с недостаточно развитым бюрократическим аппаратом. В свете новых фактов, приводимых Эльтоном, уже нельзя проводить столь безоговорочное противопоставление. Как видим, и в Англии центральный государственный аппарат XVI в. был достаточно развитым, сложным, унифицированным, даже разбухшим в отдельных своих, особенно многочисленных финансовых ведомствах.

По существу, исследование Эльтона объективно, помимо его воли и вопреки замыслам автора, самой логикой фактов доказывает на большом конкретном материале именно наличие в Англии XVI в. абсолютистского строя, так как создание большого централизованного чиновничьего аппарата управления, ответственного исключительно перед королем, и есть одна из основных черт абсолютизма.

Исторически сложившаяся диктатура дворянства использует централизованный аппарат в качестве средства принуждения, чтобы господствовать над массой трудящегося населения, прежде всего над крестьянством. Так было в XVI—XVII вв. в различных странах континента Европы, так же, по существу, дело обстояло и в Англии, хотя вследствие ее островного положения здесь не возникло большой постоянной королевской армии.

Однако Эльтон, собравший значительный материал по вопросу о развитии тюдоровской бюрократии, не делает такого, казалось бы, естественного вывода. Он придерживается традиционной либеральной точки зрения на английскую историю как на последовательно конституционную. Тюдоры, и в частности Генрих VIII, при котором происходили все эти административные перемены, рассматриваются им не как абсолютные монархи, а как типичные конституционные короли⁷⁵.

По существу, автор повторяет в своих выводах обычную либерально-конституционную концепцию английских историков. Обращает на себя внимание попытка Эльтона представить «конституционалистом» самого Томаса Кромвеля, которого и современники и большинство позднейших историков обычно считали приверженцем абсолютизма, творцом абсолютистской системы и одновременно ее жертвой, так как он был казнен Генрихом VIII⁷⁶.

Эльтону принадлежит несколько специальных статей о Т. Кромвеле,

⁷⁴ См. об этом J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 404 и сл., а также G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 160—162.

⁷⁵ G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 165, 166.

⁷⁶ См., например, J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 415; D. Harrison. Tudor England. Vol. I, pp. 97—98.

из которых интересна статья под заголовком «Политическое кредо Томаса Кромвеля»⁷⁷. Автор стремится в ней доказать, что у Кромвеля была довольно отчетливо выраженная «конституционная теория». Его аргументы сводятся главным образом к тому, что Кромвель, как юрист, высоко ставил значение закона⁷⁸ (но во Франции теоретики абсолютизма были тоже юристы!), что он (Кромвель) был за созыв парламента, высоко ценил его роль⁷⁹ и полностью признавал обычную среди английских юристов XVI в. формулу: король осуществляет свою власть через парламент (the King in Parliament). Этот тезис часто встречается и в статутах, отредактированных Кромвелем⁸⁰.

Однако доводы Эльтона неубедительны; современники, в частности находившийся в эмиграции родственник Генриха VIII принц-кардинал Поль, справедливо приписывали Кромвелю макиавеллистские взгляды, и Эльтон влияния Макиавелли не отрицает⁸¹.

Но Макиавелли, как известно, был сторонником абсолютизма, и влияние его, несомненно, сказывалось во взглядах Кромвеля на короля как на высшую власть в стране. Особенно в этом отношении характерна преамбула одного из статутов 1533 г. (the Act in restraint of Appeals to Rome), написанная самим Кромвелем. Формулировка ее носит ярко выраженный абсолютистский характер: «Английское королевство управляется высшей главой и королем (by one Supreme Head and King), обладающим достоинством и королевской властью в масштабе императорской короны, которому вслед за богом все слои народа... как духовные, так и светские, обязаны естественным и покорным повиновением»⁸². О парламенте в этой фразе даже и не упоминается. Правда, в других статутах, например, в акте 1534 г. (the Act of Dispensations), формула о королевском верховенстве сочеталась с положением о парламенте (the Most High Court of Parliament), через который осуществлялась высшая королевская власть⁸³. Но парламент здесь явно рассматривался как одно из государственных учреждений, высшее по функциям, но отнюдь не ограничивающее королевскую власть и не противопоставляемое короне.

Кромвель действительно учитывал значение парламента и не думал обходиться без него. Но он не стремился и расширить его права. Все внимание Кромвеля было направлено на усиление власти короля, которому парламент должен был всячески содействовать. Имеется один широко известный акт Кромвеля, которым парламентские права явно ущемлялись в пользу короля. Мы имеем в виду статут 1539 г., приравнивавший королевские прокламации по их значению к парламентским статутам. Хотя парламент и не возражал против своего «умаления» и даже «добровольно» санкционировал его, но выигрыш короля в данном случае очевиден, и усматривать в Кромвеле защитника парламентских прав не приходится.

Наконец, отношение самого Кромвеля к парламенту было довольно сложным. Правда, в свое время он являлся членом палаты общин; во время проведения реформации и секуляризации не без его совета Генрих VIII сохранял парламент в течение семи лет («реформационный парламент» 1529—1536 гг.). Далее был трехлетний перерыв. Парламент 1539—1540 гг. держал себя перед королем подобострастно. Нет оснований считать, что Кромвель стремился опереться на него, хотя оппозиция

⁷⁷ G. R. Elton. The political Creed of Thomas Cromwell. Transactions of the Royal Historical Society fifth series. Vol. 6. London. 1956, pp. 62—92.

⁷⁸ Там же, стр. 79.

⁷⁹ Там же, стр. 80—81.

⁸⁰ Там же, стр. 88—89.

⁸¹ Там же, стр. 71—72.

⁸² G. R. Elton. England under the Tudors, p. 161; J. R. Tanner. Tudor Constitutional Documents. London, 1951, p. 41.

⁸³ G. R. Elton. The Political Creed of Thomas Cromwell. Transactions..., pp. 88—89.

феодалной знати, возглавляемая герцогом Норфолькским и епископом Винчестерским Гардинером, делала в это время положение Кромвеля в Тайном совете все более шатким.

Трагический конец — арест в Тайном совете 10 июня 1540 г. и последующая казнь 28 июля — выявил общественную изолированность Кромвеля. Аристократия ненавидела его; Лондон не выступил в его защиту; на севере крестьянские массы даже приветствовали падение министра-еретика, с именем которого они связывали подавление движений 1536—1537 гг.; парламент, состоявший в своем большинстве из джентри, единогласно, не выслушав даже объяснений арестованного, вынес против него *bille of attainder*, то есть билль по обвинению в государственной измене с требованием смертной казни обвиняемому.

Растущие новые классы — джентри и буржуазия — энергично поддерживали Томаса Кромвеля, пока он проводил реформацию и секуляризацию, в которых они были кровно заинтересованы. Но развитие деспотизма и тирании Генриха VIII, орудием которого так открыто выступал Кромвель, в конечном счете вызвало протест в средних классах. Не выступая еще против самого короля, представители этих классов отказались поддерживать далее политику его фаворита.

Нам известна переписка Кромвеля, в частности его письма 1540 года. Ни здесь, ни в его предсмертных признаниях — нигде не видно, чтобы он когда-либо рассчитывал на помощь парламента в борьбе со своими противниками⁸⁴.

Томас Кромвель, конечно, не выступал против парламента, подобно Томасу Уентворту графу Страффорду, министру короля Карла I, так как такой ситуации — резкого конфликта парламента с короной — в середине XVI в. в Англии еще не было. Но Кромвель не являлся и поборником парламентарской власти, сторонником расширения ее прав и привилегий. Целью его было возвышение короля, усиление королевского авторитета; на парламент же он смотрел скорее как на орудие королевской власти, как на одно из звеньев в такой системе управления, в которой гегемония и первенство не только юридически, но и фактически принадлежали королю, а не парламенту.

Важное значение имеет вопрос о взаимоотношениях короны и парламента в Англии XVI века. Последние работы Нилы посвящены специально проблеме развития парламента при Елизавете I (1558—1603). В книге «Палата общин при Елизавете»⁸⁵ дается общая характеристика организации парламента во второй половине XVI века. Автор выясняет обстановку и методы выборов, анализирует социальный состав палаты общин в разные сроки, останавливается на процедурах открытия и закрытия парламента, выборов парламентом и последующего утверждения королевой парламентарских спикеров и т. д. Нилу удалось показать, насколько активными, часто бурными бывали парламентарские выборы в различных графствах, городах и бургах, какое оживление они вносили на некоторое время в затхлую атмосферу провинции.

Выборы носили узкоолигархический и классовый характер. В палату общин проходили преимущественно представители джентри; значительная часть депутатов фактически назначалась короной, министрами, крупнейшими лордами, беззастенчиво пользовавшимися системой «гнилых местечек», небольших городков (бургов), обладавших, несмотря на

⁸⁴ R. В. Merriman. *Life and Letters of Thomas Cromwell*. Vol. II. Oxford. 1902. Письма №№ 330—350 за 1540 год. См. особенно его письмо к Генриху VIII от 30 июня 1540 г.— *The Crye for Mercye...*, pp. 268—273.

⁸⁵ J. E. Neale. *The Elizabethan House of Commons*. London. 1949.

свое незначительное население, правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов⁸⁶. Характерно, что в XVI в. дворяне представляли не только население графств, то есть сельскую массу страны, но и горожан⁸⁷.

Вторая и третья книги Нила, «Елизавета I и ее парламенты, 1559—1581 г.» и «Елизавета I и ее парламенты, 1584—1601 г.»⁸⁸, дают конкретную историю деятельности каждого из десяти парламентов этой эпохи. В английской буржуазной литературе господствовало представление, что при Елизавете отношения короны и парламента были мирными, дружественными в противоположность кануну английской буржуазной революции 1640—1660 годов. Часто в этом смысле писали о «гармонии» отношений парламента с королевой. Конфликты между короной и парламентом, если и отмечались, то только в конце царствования Елизаветы: знаменитый спор между общинами и правительством о торгово-промышленных монополиях, продажей которых злоупотребляла корона. Но, отмечая этот факт, либеральные историки обычно концентрировали внимание не на самом развитии конфликта, а на его конце, на компромиссе.

Ценной чертой последних работ Нила является то, что в них показан конфликт между парламентом и короной уже почти в самом начале царствования Елизаветы. Конфликт 1601 г. из-за монополий был, по существу, не первым, а последним, своего рода заключительным и в этом наиболее серьезным из этих столкновений, вынудившим королеву пойти на уступки общинам. Выступления парламента против короны во второй половине XVI в. в противоположность его пассивности в конце XV и первой половине XVI столетия свидетельствуют, что парламент стремился закрепить свои права и ограничить права короны, претендовавшей на всю полноту власти.

Только во второй половине XVI в. конституционные идеи, в частности постулат о верховенстве парламента, начали получать свое выражение в требованиях палаты общин, на первых порах еще скромных и осторожных, но иногда бьющих по самому существу абсолютизма.

Вместе с тем борьба парламента и королевской власти показывает наличие абсолютизма в Англии XVI века. Рассмотрим вкратце основные факты этой борьбы.

Первый парламент Елизаветы — 1559 г. — прошел в общем спокойно, без конфликтов. Королева твердо вступила после некоторых колебаний на протестантский путь, согласилась с новым устройством английской епископальной церкви, приемлемым для подавляющего большинства английского дворянства и представителей наиболее крупной буржуазии.

После сессии, продолжавшейся три с половиной месяца, парламент в начале мая 1559 г. был распущен. Но характерно нежелание молодой королевы созывать его вновь. Если бы Елизавета и ее министры смогли сбалансировать государственный бюджет при помощи обычных доходов, то есть без парламентских субсидий, королева не стала бы собирать парламент вовсе или по крайней мере отодвинула бы его созыв на много лет⁸⁹. Но правительство нуждалось в деньгах и в январе 1563 г. вынуждено было собрать новый парламент, который имел две сессии: в 1563 и 1566—1567 годах. Второй парламент оказался явно «непослушным». Именно здесь уже начала проявляться довольно бурно парламентская оппозиция, так как наиболее радикальные депутаты из джентри и буржуа-

⁸⁶ Там же, стр. 233.

⁸⁷ В парламенте 1584 г. из 462 членов палаты общин насчитывалось всего 77 горожан, остальные были рыцари, сквайры и джентльмены; в парламенте 1601 г. из 372 членов палаты 300 депутатов было от джентри. Там же, стр. 147, 148.

⁸⁸ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments. 1559—1581. London. 1953; его же. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. London. 1957.

⁸⁹ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581, p. 85.

зии опасались католической реакции и стремились добиться назначения Елизаветой протестантского преемника. Не ограничиваясь вопросом о субсидиях (который правительство предложило парламенту разрешить возможно скорее), парламент «самовольно» занялся обсуждением проблемы престолонаследия, а также дальнейшей реформы английской церкви в более радикальном духе (искоренение «папистского идолопоклонства»).

Когда парламент собрался в конце сентября 1566 г., члены палаты общин заявили, что субсидии не будут даны палатой, пока королева не выскажется относительно ее замужества и назначения наследника. Один из депутатов потребовал в своем выступлении произвести расследование, на что были потрачены прежние субсидии; войну с Францией, которую вело тогда английское правительство, этот член палаты назвал «совершенно ненужной», начатой по капризу королевы⁹⁰.

Закрывая парламентскую сессию в январе 1567 г., Елизавета в своей речи заявила парламенту, что свобода, о которой заботятся его члены, не должна наносить ущерб короне. Конец речи Елизаветы Тюдор по стилю прямо напоминал последующие дебаты стюартовских парламентов⁹¹.

Третий парламент был созван только в 1571 году. Он существовал менее двух месяцев и имел всего одну сессию. Парламент был также настроен весьма оппозиционно. Оппозицию представляли Йелвертон, Стрикленд, братья Поль и Питер Уентворты и др. Главные удары они направили против государственной англиканской церкви. Речь Стрикленда о злоупотреблениях епископов и о сохранении в англиканской церкви некоторых обрядов католического культа была произнесена в таком же страстном тоне, в каком позднее, в XVII в., стали выступать ораторы «пуританской оппозиции» при Стюартах⁹². Королева и ее министры остались крайне недовольны парламентом, и он был распущен⁹³.

Четвертый парламент, избранный в 1572 г. и имевший три сессии — в 1572, 1576 и 1581 гг., — оказался, однако, не менее строптивым. Сессия 1572 г. была очень бурной. Заговор герцога Норфолькского и северных графов в 1569—1570 гг., связи сторонников Марии Стюарт с испанским королем в это же время, издание папой Пием V буллы против Елизаветы в феврале 1570 г. свидетельствовали о широком наступлении феодально-католической реакции. Члены палаты общин требовали принятия немедленных и самых решительных мер против герцога и Марии Стюарт и вообще против католиков. Политика правительства казалась им недостаточно энергичной. Наиболее крайние ораторы настаивали на немедленной казни Марии Стюарт. Так как Елизавета по ряду причин (среди них большое место занимали соображения внешней политики, и в частности отношения с Францией и Шотландией) отказывалась дать на это согласие, оппозиция выразила ей своего рода вотум недоверия⁹⁴.

На сессии 1576 г. остро был поставлен вопрос о свободе речи для членов парламента. Питер Уентворт заявил, что парламента, не обладающий свободой слова, — это не парламента, а насмешка над ним⁹⁵. Последняя сессия, в 1581 г., проходила сравнительно спокойно.

Пятый и шестой парламента (1584—1585 и 1586—1587 гг.) имели в своем составе много пуритан. Эти депутаты произносили яростные речи против Марии Стюарт, Филиппа Испанского, папы римского и др. Они требовали скорейшего суда над Марией Стюарт и ее казни, издания уголовных законов против католиков в Англии, проведения реформы англи-

⁹⁰ Там же, стр. 137.

⁹¹ Там же, стр. 176; см. также «Английская буржуазная революция». Т. I. М. 1954, гл. II.

⁹² J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581, p. 194.

⁹³ Там же, стр. 237—238.

⁹⁴ Там же, стр. 276.

⁹⁵ Там же, стр. 319.

канской церкви в пуританском, кальвинистском духе. В 1585 г. был принят билль о безопасности королевы, которым, по существу, уже решалась судьба Марии Стюарт⁹⁶. Елизавета продолжала еще колебаться⁹⁷, но парламент 1586—1587 гг. настоял на казни шотландской королевы.

По существу, удары парламента в это время были направлены еще против врагов самого абсолютизма: феодально-аристократической оппозиции и католицизма. Однако резкость предлагаемых парламентом мер смущала правительство, тяготившееся чрезмерным «рвением» и «навязчивостью» парламентской левой. «Союз протестантов всей Англии», который предлагала создать оппозиция официально для защиты личности королевы, внушал ужас правительству перспективой привлечения к «политике» народных масс⁹⁸.

В то же время Елизавета и подавляющее большинство ее окружения были настроены решительно против каких-либо реформ в английской церкви. Правительство считало церковный вопрос окончательно решенным, и архиепископ Уайтгифт, опираясь на поддержку королевы, повел решительную борьбу против пуританских конгрегаций. Попытки обоих парламентов — 1584—1585 и 1586—1587 гг. — добиться каких-либо новых церковных реформ успеха не имели.

Седьмой парламент Елизаветы (февраль — март 1589 г.) в связи с опасностью нападения Испании предоставил правительству громадные субсидии. Однако пуританские депутаты продолжали резко выступать против государственной епископальной церкви. Кроме того, парламент 1589 г., возможно, еще под впечатлением арестов депутатов в 1587 г., остро поставил вопрос о парламентских привилегиях⁹⁹.

Следующий, восьмой, парламент был создан только в 1593 году. Его депутаты также вспоминали о Великой хартии вольностей, требуя полной депутатской неприкосновенности. Парламентская оппозиция в 80-е годы пыталась формулировать принципы отношений короны к парламенту, определить prerogatives короны и привилегии парламента, противопоставить «короля, правящего по закону и с общего согласия», королю — тирану и деспоту. С другой стороны, в парламенте 1593 г. обсуждение субсидий проходило особенно бурно.

Девятый парламент (1597—1598 гг.) занимался экономическими вопросами (акт о земледелии, заметно ослабивший борьбу с огораживанием; акт о бедных (Poor Law), устанавливавший обязательное самообложение жителей прихода на содержание местных бедняков; петиция королеве о злоупотреблениях монополиями, жалуемыми придворным и всякого рода спекулянтам). Члены палаты общин уже в этом парламенте были крайне возбуждены вопросом о монополиях и требовали их отмены.

Последний, десятый, парламент (1601 г.) наиболее известен конфликтом Елизаветы с депутатами из-за торговли частными монополиями, которая практиковалась властями. Обещание королевы, данное предшествующему парламенту, «исправить положение» оказалось невыполненным. Палата общин отказывалась обсуждать вопрос о субсидиях, пока не будут отменены все монополии. Атмосфера в парламенте была накалена до крайности. 24 ноября парламентский комитет уже отредактировал новый билль, но в это время Елизавета сделала ловкий тактический ход. 25-го она прислала в палату общин письмо, в котором благодарила членов парламента за «быструю» подготовку билля о субсидиях (в действительности дело обстояло как раз наоборот!) и заявляла, что решила сама отменить все монополии и прекратить их практику в дальнейшем¹⁰⁰. Через несколько дней действительно был издан ордонанс.

⁹⁶ Там же, стр. 378.

⁹⁷ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601, pp. 131—132.

⁹⁸ Там же, стр. 47—48.

⁹⁹ Там же, стр. 231.

¹⁰⁰ Там же, стр. 384.

Ниль и другие либеральные историки усматривают в этом акте доказательство «гармонии» между короной и парламентом¹⁰¹. На самом деле конфликт 1601 г., являвшийся очень серьезным, по существу, не был разрешен. При последующих королях династии Стюартов вопрос о монополиях снова встал в порядок дня, и споры вокруг него продолжались до самой буржуазной революции середины XVII века.

Вопрос о монополиях имел громадное значение не только в борьбе с финансовыми махинациями абсолютистского правительства. Его постановка означала требование буржуазией свободы предпринимательской деятельности, неприкосновенности частной собственности, защиты от произвольных феодальных поборов и грубого феодально-бюрократического вмешательства в экономику страны. В то же время остро ставился и конституционный вопрос о границах королевских прерогатив, то есть королевской власти, с одной стороны, и о привилегиях (то есть фактически тоже о власти), контроле, компетенции самого парламента как органа национального представительства — с другой.

Таким образом, материал, собранный и систематизированный Нилем в его трудах по истории елизаветинского парламента, представляет большой интерес и позволяет сделать важные выводы. Парламентская история Англии второй половины XVI в. фактически уже представляет собою введение в историю Английской буржуазной революции 1640—1660 годов.

Однако с методологической стороны исследование Ниля несостоятельно. Автор склоняется к точке зрения о «гармоничности» отношений парламента с короной в XVI веке. Споры парламента с королевой он представляет как бы спорами «в собственном доме», которые якобы обычно заканчивались полюбовным соглашением, «миром». В своем заключении к первому тому Ниль усиленно подчеркивает момент «взаимопонимания» и «взаимоподдержки» в отношениях королевской власти и парламента при Елизавете. «Диалог (буквально «переключение» — *antiphony*) между королевой и общинами, — по мнению Ниля, — свидетельствовал о существовании глубокой гармонии между ними»¹⁰². Второй том заканчивается анализом речи Елизаветы перед десятым парламентом. Автор буквально воспекает панегирик в честь королевы¹⁰³. В действительности в бурных выступлениях оппозиционных членов парламента и в раздраженных ответах королевы и ее министров на запросы членов палаты общин чувствуется не «гармония», а начало борьбы, зарождение большого политического конфликта, видны искры, зарницы, пламя будущей революции, будущего «Великого мятежа» 40-х годов XVII века.

Другой недостаток трудов Ниля — крайняя идеализация самой Елизаветы. Как и у Рауза, Елизавета наделена Нилем какими-то демоническими, необыкновенными, сверхчеловеческими чертами. Ее речи «священные», и автор всюду приводит их текст полностью¹⁰⁴. Королева всегда во всем права; она ни в чем не ошибается, ее министры, члены Тайного совета и высшие придворные чины изображаются пешками, которыми она распорядается как ей угодно. В действительности положение этой королевы было одним из самых сложных в истории английской короны: ей приходилось постоянно лавировать между различными группировками знати, считаться с Лондоном, вести сложную борьбу с самим парламентом, без финансовой помощи которого она не могла обойтись. Вместо показа обострившейся классовой борьбы, соперничества придворных группировок, отражавших в какой-то степени происходившие в стране социально-политические сдвиги, рост нового дворянства и сближение его с буржуазией, Ниль в своей истории парламента лишь описывает, хотя и весьма живо и даже драматически, коллизии и столкновения между парламентом и ко-

¹⁰¹ Там же, стр. 391.

¹⁰² Там же, стр. 421.

¹⁰³ Там же, стр. 388—391, 437—438.

¹⁰⁴ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. pp. 11—12.

роной, персонифицированной целиком в образе Елизаветы¹⁰⁵. Само правительство не показывается в достаточной степени (его заслоняет королева). В то же время и живая связь парламента с местами — Лондоном, графствами — освещается весьма редко и лишь случайно.

Наконец, следует отметить, что политические взгляды Нилья в общем либеральны, но в ряде случаев читателю бросается в глаза консервативная тенденция автора. Это сказывается, например, в трактовке пуританизма, которому он определенно сочувствует. Часто Нилья радуется, когда Елизавета принимает репрессивные меры против пуритан¹⁰⁶. Между тем пуританизм по сравнению с англиканизмом представлял собой, безусловно, прогрессивное явление. В дальнейшем пуританство сыграло громадную роль в подготовке буржуазной революции и руководстве ею. Неправ Нилья и с фактической стороны, когда утверждает, что к концу царствования Елизаветы пуританизм потерпел полное поражение¹⁰⁷. Пуританское движение действительно было подавлено в результате правительственных репрессий, но оно не исчезло, и вскоре, при Якове I, пуритане выступили с еще большей активностью.

Проблема внутреннего политического развития Англии XVI в. отличается большой сложностью и трудностью изучения. Английский абсолютизм, конечно, был своеобразным. Его взаимоотношения с парламентом были неодинаковы на разных этапах. Исследование этого вопроса должно носить сугубо диалектический характер. Советским историкам особенно следует заострить внимание на социальной природе тюдоровского абсолютизма. Необходимо показать на конкретном материале, прежде всего на фактах социально-экономической политики тюдоровских правительств, насколько Тюдоры были реально связаны с новым дворянством и с растущей буржуазией. В то же время не надо забывать, что Тюдоры были правительством класса феодалов в целом. Было бы ошибкой считать, что тюдоровская династия целиком опиралась на новые классы — буржуазию и новое дворянство (это было достигнуто только в ходе буржуазной революции середины XVII в.). Но не менее грубым искажением являлось бы и представление о Тюдорах как об узкофеодальной династии, оторванной от буржуазии и нового дворянства (это означало бы полное приравнивание их к следующей династии — Стюартов).

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о том, что названные выше исследователи привлекли обширный круг новых, ранее неизвестных, в значительной части архивных документов. Но с методологической стороны новейшая продукция английской историографии отличается крупными, существенными пороками. В ней продолжают господствовать традиционные буржуазно-либеральные представления о своеобразном, особом, якобы исключительном «конституционном» пути, которым будто бы всегда шла английская история: и в средние века и в новое время. Факты, не укладывающиеся в такую схему, английские буржуазные авторы вынуждены вследствие этого толковать превратно, делать отдельные выводы без достаточной аргументации, иногда в прямом противоречии с действительностью.

¹⁰⁵ Характерно самое заглавие двухтомной работы: «Елизавета I и ее парламенты...». Личность Елизаветы интересует историка не меньше, чем история парламента.

¹⁰⁶ J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601, pp. 278—287.

¹⁰⁷ Там же, стр. 325—326.